

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

В.А. Гуторов, Я.В. Самарин

ГУТОРОВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: gut-50@mail.ru; **САМАРИН Ярослав Владимирович**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: johnney_walker@mail.ru

Гуторов В.А., Самарин Я.В. 2025. Либеральный интернационализм в контексте современных теоретических дискуссий. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 167-179. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.05.11>. EDN: DVOFBB

Статья поступила в редакцию: 04.04.2025. Принята к публикации: 20.06.2025

Аннотация. В современной политической науке изучение идеиного наследия Вудро Вильсона, 28-го президента США (1913–1921), по-прежнему сохраняет статус вполне самостоятельного аналитического сегмента. Монография американского историка Майкла Р. Кьюда “Вудро Вильсон: Первая мировая война и современный интернационализм” (Cude, M.R. Woodrow Wilson: the First World War and modern internationalism. London; New York: Routledge, 2024) представляет несомненный интерес для специалистов в самых различных областях гуманитарного знания. Автор поставил перед собой обширную задачу проанализировать не только многообразные исторические проблемы внешней политики В. Вильсона в период Первой мировой войны, но и рассмотреть целый ряд теоретических вопросов, относящихся к формированию новой послевоенной международной системы, а также проблем глобального управления, национализма, деколонизации и др. В современной научной литературе представлены весьма контрастные, нередко диаметрально противоположные теоретические подходы и этические суждения относительно вильсонизма как исторического и политического феномена. Сегодня невозможно игнорировать и очевидные противоречия, связанные со специфически личностным аспектом активного воздействия идей В. Вильсона на политику США XX – начала XXI вв. Их исторический и теоретический анализ порождает новые идеологические коллизии, постоянно провоцирующие напряженные и сложные дискуссии. Исходный пункт этих дискуссий определяется аналитикой исторического процесса, в результате которого в “концептуальной политике” Вудро Вильсона “либерально-демократический интернационализм становится синонимом вильсонианства” (Тони Смит). Суть этих проблем была суммирована Гилфордом Д. Айкенберри в виде “пяти пунктов”, составляющих на данный момент своеобразную “матрицу”, по которой можно сверять различные вариативные интерпретации вильсонизма в целом и либерального интернационализма, – в частности. Не игнорируя обозначенные выше пункты по существу, М. Кьюд занимает совершенно особую позицию. Один из наиболее приоритетных моментов представленной в его книге характеристики эволюции мировоззрения В. Вильсона состоит в обосновании тезиса, согласно которому либеральный интернационализм *изначально* не может рассматриваться в качестве “базового элемента” политики американского президента. Радикальный поворот в теоретической дискуссии наметился после победы Дональда Трампа на президентских выборах 2024 г. Характер

аргументов сторонников новых концепций “цивилизационного вильсонианства” и “альтернативного понимания вильсонианской традиции” состоит в том, что “на самом деле между Вильсоном и Трампом было гораздо больше преемственности, чем это изначально кажется” (А. Готорп).

Ключевые слова: Вудро Вильсон, Первая мировая война, вильсонизм, политический идеализм, либеральный интернационализм, демократия, мировая политика, исторические дискурсы, политическая теория.

Монография “Вудро Вильсон: Первая мировая война и современный интернационализм”, опубликованная издательством *Routledge* в 2024 г. [Cude 2024], представляет несомненный интерес для специалистов в самых различных областях политической науки. Ее автор Майкл Р. Кьюд, доцент кафедры истории в Университете Шрайнера в Кервилле, штат Техас, где он также является координатором программы *Global Scholars*, достаточно широко известен в научном сообществе своими оригинальными работами, посвященными различным аспектам деятельности администрации В. Вильсона, связанным с решением “словацкого вопроса” в период формирования Чехословакии как независимого государства (см., например, [Cude 2016]). Особенного внимания в этом плане заслуживает работа М. Кьюда “Словацкий вопрос: трансатлантическая перспектива, 1914–1948 гг.”, опубликованная в 2022 г. [Cude 2022]. В ней обсуждались весьма сложные вопросы практической реализации В. Вильсоном политики национального самоопределения в странах Центральной и Восточной Европы после окончания Первой мировой войны. По мнению автора, принимая во внимание существенные различия во взглядах чехов и словаков на проблемы гражданского, экономического и культурного развития, администрация Вильсона в процессе создания Чехословакии, тем не менее, квалифицировала два народа как “общую национальность”, тем самым игнорируя стремление словаков (как и многих других национальных меньшинств в этом регионе) к национальному самоопределению и внутренней автономии (см. [Kirschbaum 2024]).

Нет ничего удивительного в том, что в работе 2024 г. М. Кьюд поставил перед собой более обширную задачу: провести анализ не только многообразных исторических проблем внешней политики В. Вильсона в период Первой мировой войны, но и рассмотреть целый ряд теоретических вопросов, относящихся к формированию новой послевоенной международной системы, а также проблем глобального управления, национализма, деколонизации и др. [Cude 2024: II].

Весьма любопытным выглядит следующий вступительный “дидактический” пассаж, свидетельствующий о тесной связи проблематики книги М. Кьюда с его университетскими лекциями и семинарскими занятиями, на которых студенты выражали откровенный скепсис в отношении политики и идейного наследия В. Вильсона, в определенной степени разделяемый и самим автором: “Один из моих студентов постоянно испытывал чувство разочарования в процессе знакомства со множеством текстов, посвященных президенту США Вудро Вильсону, общая тональность которых постоянно определялась одной фразой: ‘Вильсон будет существовать вечно...’ Количество подобных материалов удивляет многих студентов, поскольку Вильсон не обладает таким популярным запасом прочности, как другие великие президенты Соединенных Штатов Америки, такие как Джордж Вашингтон или Авраам Линкольн, или даже Теодор Рузвельт – современник Вильсона. Тем не менее

Вильсон оставил весьма заметное наследие. Наряду с Рузвельтом он сыграл большую роль в формировании института современного прогрессивного президентства. Вильсон также был чрезвычайно влиятельным в международных делах. В конце Первой мировой войны его идеи и практическая деятельность сыграли центральную роль в решавший момент, заложивший фундаментальную основу для оставшейся части столетия – от Второй мировой войны до холодной войны – и наметивший путь развития от национализма к антиколониализму. Кроме того, он является единственной крупной американской политической фигурой, чей подход к международным делам повсеместно именуется в его честь как ‘вильсонианство’” [Cude 2024: 1]. Такого рода скептические замечания в отношении “популярного запаса прочности” вильсонианской традиции, безусловно, требуют дополнительных пояснений.

В современной политической науке исследование идейного наследия Вудро Вильсона, 28-го президента США (1913–1921) по-прежнему сохраняет статус вполне самостоятельного аналитического сегмента. Об этом свидетельствуют не только многочисленные статьи и монографии, публикуемые в последние десятилетия с завидной регулярностью, но и их весьма выразительные названия (см., например, [Smith 1994b; Smith 2000; Axtell 2006; Ikenberry 2009; Hankins 2016; O’Toole 2018; Wolff 2020; Benbow 2022; Moyn 2023; Weil 2023 и др.]). Причины обозначенной выше тенденции очень рельефно охарактеризовал Кристофер Кокс в новейшей работе “Вудро Вильсон: рассеянный свет”. Его способ аргументации резко отличается от приведенного выше пассажа из книги Кьюда: “Спустя столетие после своей смерти Вудро Вильсон остается для нас поразительно значимым. Мало кто из американцев имел более продолжительное влияние на историю своей нации. Его слова запечатлены в американских святынях от Вашингтонского кафедрального собора (*the National Cathedral*) до столичной площади, названной его именем. Хотя его активное президентство было прервано трагической болезнью, его законодательное наследие продолжает формировать американскую жизнь в XXI веке... Даже после его смерти воздействие его идеализма и его видение Лиги Наций оставались достаточно мощными, чтобы в дальнейшем создать такую всемирную структуру как Организация Объединенных Наций, которая по-прежнему значит для нас чрезвычайно много. Как отмечал Генри Киссинджер в 1994 г., ‘американская внешняя политика с момента его переломного президентства преимущественно развивалась именно под барабанный бой вильсонианского идеализма и продолжает развиваться по сей день’¹. Будучи президентом военного времени, Вильсон стал идолом для жителей Лондона, Парижа и Рима, где миллионы людей собирались, чтобы встретить его как героя, когда наконец наступил мир. Люди продолжают восхищаться его историей, подкрепленной впечатляющим взлетом из академической среды в Белый дом всего за два года, и не менее впечатляющим падением, отмеченным двойной трагедией проигрыша в борьбе за Лигу Наций в 1919 г. и последующей потерей жизни из-за артериосклероза и его последствий в 1924 г. В нашу собственную эпоху, когда лишь немногие политики способны продемонстрировать хорошие манеры или грамматически правильный английский язык, красноречие Вильсона и его благопристойная сдержанность остаются образцом для подражания уже на протяжении веков.

¹ Здесь К. Кокс цитирует, не приводя точной ссылки, Генри Киссинджера (Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994. P. 30).

На английском языке о Вудро Вильсоне написаны более двух тысяч книг, а также множество других на французском, немецком, японском, русском и других языках. Биографы президента изначально изображали его как героическую фигуру, сосредоточившись на том, что они считали положительными качествами вильсонизма: его идеализированная демократия, интернационализм, права трудящихся, прогрессивное налогообложение и энергичное федеральное регулирование корпораций и монополий” [Cox 2024: 3].

Откровенно апологетический стиль рассуждений К. Кокса и его характеристика “положительных качеств вильсонизма”, разумеется, разделяется далеко не всеми учеными. Напротив, в современной научной литературе представлены весьма контрастные, нередко диаметрально противоположные теоретические подходы и этические суждения относительно вильсонизма как исторического и политического феномена. Например, в работе “Фаустовская внешняя политика от Вудро Вильсона до Джорджа Буша-мл.: мечты о совершенствовании” американский историк Джоан Хофф обозначает две следующие основные тенденции: “Существовали хорошая, или позитивная разновидность вильсонизма и плохая, или менее желательная. Хорошая (и наиболее мифологизированная) версия концентрируется на либеральном капиталистическом интернационализме, основанном на свободной торговле, самоопределении, международной организации и коллективной безопасности. Негативный вильсонизм, который одновременно способствовал развитию самых крайних аспектов внешнеполитической идеологии Соединенных Штатов, состоял из укоренившегося расизма, подозрительности к националистическим революциям, одностороннего интервенционизма и слепого антикоммунизма. В случаях русской революции и Ближнего Востока вильсонизм означал значительный уровень дипломатической секретности. Вильсон также создал прецедент президентства, вводящего в заблуждение американскую общественность посредством манипулятивного воздействия на средства массовой информации с помощью афористичных лозунгов” [Hoff 2008: 61]; (см. также: [Axtell 2006: 127-139; Throntveit 2017: 70, 125-126, 170-171; Winter 2006: 74; Thorsen 1988: 162-170; Kumar 2022: 322]).

На наш взгляд, именно по обозначенным выше причинам сегодня невозможно игнорировать и очевидное противоречие, связанное со специфически личностным аспектом активного влияния феномена президентства В. Вильсона на политику США XX – начала XXI вв. “Представляется, – отмечал Дж. Фланаган в 2009 г., – что со времен Франклина Д. Рузвельта на каждого президента, включая нынешнего обитателя Белого дома, был наклеен ярлык вильсонианца в плане подхода к внешней политике. И действительно, Роберт Каган использовал недавнюю колонку в *Washington Post*, чтобы назвать Барака Обаму ‘самым вильсонианским президентом этого столетия’. Сама вездесущность термина ‘вильсонизм’ подорвала его значение и ценность. Как утверждает Томас Дж. Нок... вильсонизм рискует стать ‘свободно плавающим маркером’ – термином, который постоянно используется, но лишен последовательного исторического контекста” [Flanagan 2009: 95].

Таким образом, совокупность терминов, составляющих, по мнению К. Кокса, ядро “вильсонизма” как исторического и политического феномена, разумеется, выглядит выборочной и далеко неполной. Их исторический и теоретический анализ порождает новые противоречия, постоянно прово-

цирующие напряженные и сложные теоретические дискуссии. Так или иначе, большинство современных ученых (включая и тех, которых обычно именуют “узкими специалистами”) твердо убеждены в том, что без анализа самого понятия “вильсонизм” и образующих его структурных концептов нередко становится затруднительным исследование конкретных событий, процессов и даже отдельных исторических сюжетов. При этом многие из них вполне разделяют специфическую оценку “вильсонианского момента”, представленную в работах американского политолога Тони Смита. Ее исходный пункт определяется аналитикой исторического процесса, в результате которого в “концептуальной политике” Вудро Вильсона ‘либерально-демократический интернационализм’ становится синонимом ‘вильсонианства’” [Smith 2000: 11] (см. также [Smith 1995, 1994a, 1994b, 2017: 10-12, 161-169]; сп. [Cooper 2001: 3-4; Cooper 2008; Ikenberry 2009b; Ikenberry 2020: 126-127, 132-133]).

Возникающие новые проблемы связаны с определением “ядра” либерального интернационализма, а также специфическими современными трактовками этого концепта. Суть этих проблем была суммирована американским политологом Гилфордом Д. Айкенберри в виде “пяти пунктов”, составляющих на данный момент своеобразную “матрицу”, по которой можно сверять различные вариативные интерпретации вильсонизма в целом и либерального интернационализма, – в частности. Оставляя в стороне исторические корни последнего (см. подробнее [Christov 2024: 86]), Айкенберри формулирует обозначенные выше пункты в виде следующих исторических дилемм [Ikenberry 2009a]. 1) Если допустить, что администрация Дж. Буша-мл. и неоконсервативные архитекторы иракской войны могут рассматриваться как естественные наследники вильсоновской традиции либерального интернационализма, в таком случае “действительно ли речь идет о распространении свободы и демократии – цели, к которой при необходимости можно было бы прийти силой оружия? Или же речь идет о чем-то другом, а именно – о своего рода неоимперских усилиях по утверждению американского мирового господства, в котором продвижение демократии явно играет менее важную роль, возможно, даже о своего рода фиговом листке, прикрывающем более жесткие geopolитические амбиции? 2) Вильсон явно верил, что если не весь мир, то, по крайней мере, основная группа “зрелых демократий” формирует необходимые условия “мирного и кооперативного международного порядка”. Но чем мотивировал Вильсон необходимость продвижения демократии и какое значение он придавал использованию силы для реализации этой цели? 3) В каком направлении эволюционировал либеральный интернационализм со времен Вудро Вильсона? “Послевоенная революция в области прав человека расширила приоритеты и обязательства международного сообщества, ослабив нормы государственного суверенитета и невмешательства. ... Вопрос заключается в том, возможно ли называть эту тенденцию эволюционным либеральным интернационализмом или же тем, что Тони Смит называет неолиберализмом, который является более всеобъемлющим и интервенционистским по сравнению с изначальными взглядами Вильсона?” [ibid.: 3-4]. 4) Содержит ли в себе либеральный интернационализм принципиальные и институциональные гарантии, способные предотвратить либеральный империализм? Иными словами, “каким именно образом западные демократии различают просвещенное и законное вмешательство и либеральный импери-

ализм?” [ibid.: 4]; 5) Насколько актуальна вильсоновская традиция для XXI в.? (ср. [Niebuhr 2008: 2-4, 89]).

Не игнорируя обозначенные выше вопросы по существу, М. Кьюд явно не стремится отвечать на них прямо. Один из наиболее приоритетных моментов представленной в его книге характеристики эволюции мировоззрения В. Вильсона состоит в обосновании тезиса, согласно которому либеральный интернационализм *изначально* не может рассматриваться в качестве его “базового элемента”. Напротив, рецепция связанных с этим концептом идей осуществлялась постепенно и во многом определялась изменениями внутриполитической ситуации в США и, разумеется, коллизиями мировой политики как до, так и в период Первой мировой войны. “К концу 1800-х годов, — отмечает Кьюд, — лидеры и интеллектуалы США вступили в серьезные дебаты по поводу империализма. Вильсон обдумывал этот вопрос лишь отчасти. Он твердо заявлял, что иностранные дела являются прерогативой президента, и хвалил своего более позднего соперника Теодора Рузвельта за расширение исполнительной власти в этом направлении. В остальном взгляды Вильсона на империализм определялись под влиянием его приверженности тезису историка Фредерика Джексона Тернера, связывавшего американскую экспансию с распространением демократии... По мере того, как Вильсон приближался к президентству, его взгляды на внешнюю политику все больше стали зависеть от идей прогрессистского движения... В частности, Вильсон заимствовал идеи у ‘прагматиков’, таких как Уильям Джеймс, Джон Дьюи, Герберт Кроули и Уолтер Липпман, которые видели в Первой мировой войне возможность реформировать мир. Вильсон с увлечением читал работы этих американских мыслителей, одновременно адаптируя *ранее существовавшие британские идеи либерального интернационализма*” (курсив наш. — В.Г., Я.С.) [Cude 2024: 8].

На наш взгляд, весьма примечательными являются и другие примеры и аргументы, приводимые Кьюдом для усиления своей, обозначенной выше, теоретической позиции. По его мнению, Вильсон, считая войну “обычным делом для европейской силовой политики”, включавшей в себя такие рычаги власти и влияния как секретные договоры, наращивание вооружений и территориальная экспансия, был полностью уверен в том, что разразившийся мировой конфликт не должен нарушать позицию нейтралитета, которой придерживались США. Существовавшие на тот момент в стране группы либеральных интернационалистов рассчитывали добиться мира дипломатическим путем и “использовать момент для проведения реформ, чтобы предотвратить будущие конфликты”. “Пацифисты” при этом хотели оставаться в стороне и не занимать ничью из сторон, в то время как “атлантисты”, напротив, ждали, “чтобы Вашингтон благоприятствовал победе Антанты, даже если страна останется вне войны” [ibid.: 30-31]. Большинство советников Вильсона по внешней политике “были атлантистами, за исключением пацифиста Брайана. Вильсон поддерживал либеральный интернационализм. Он также симпатизировал пацифистам, полагая, однако, что для предотвращения будущей войны необходимы активные усилия. Вместе с тем он довольно туманно говорил о том, что именно они повлекут за собой, помимо продвижения возможностей придерживаться нейтралитета” [ibid.: 31]. В конце 1916 г. Вильсон столкнулся с возросшим давлением со стороны либеральных интернационалистов, считавших военное вмешательство необходимым для продвижения

своих целей международной реформы. Несмотря на критику со стороны пацифистов, Вильсон занял позицию “разумной готовности”, суть которой состояла в том, что Соединенные Штаты должны быть “готовы защищать себя и играть большую роль в мире” [ibid.: 37]. Выдвинув свою кандидатуру на президентских выборах 1916 г. против соперника республиканца Чарльза Эванса Хьюза, поддерживавшего союзников, он первоначально по-прежнему подчеркивал необходимость сохранения нейтралитета, ставя себе в заслугу то, как он удержал страну от вступления в войну и постоянно акцентируя свою веру в то, что США должны возглавить усилия по ее завершению. Одержав в ноябре победу с небольшим перевесом, Вильсон стал продвигать идеи либеральных интернационалистов, вновь выдвинув на передний план концепцию коллективной безопасности посредством создания международной организации [ibid.: 37-38].

В конце своей работы для объяснения обозначенных выше постоянных колебаний американского президента и его политики лавирования между различными группировками и идейными течениями М. Кьюд, вполне целе направленно возвращаясь к своим изначальным метафорам “студенческого скепсиса”, формулирует следующую, вполне оригинальную гипотезу: “Возможно, данная ситуация отражает то, что Вильсон до занятия должности президента никогда не был глубоко вовлечен в международные дела и не полагался на советников, которые у него были. Несмотря на большой ум и образованность, Вильсон оставался фигурантом, чья жизнь была несколько ограничена в плане понимания международного контекста. Его академическая карьера была сосредоточена на Соединенных Штатах, не разветвляясь на международном уровне дальше Англии. Во время своего президентства Вильсон, пытаясь разработать для себя краткий курс по освоению мира, был очень похож на студента, который не спал всю ночь перед важным экзаменом (курсив наш. – В.Г., Я.С.). Он усвоил довольно много, но глубина его понимания мира остается под вопросом. В некотором смысле Вильсон лишь походя выстраивал свою политику и способы философствования. Поскольку он часто действовал реактивно, заявленные им философские констатации не раз оказывались в противоречии с его действиями” [ibid.: 112].

Ограничившись обозначенной выше довольно узкой позицией “интеллектуального скепсиса”, М. Кьюд предпочитает также игнорировать многие моменты, связанные с драматическими, нередко трагическими последствиями “политической недальновидности” американского президента. Именно эти последствия лежат в основе “парадокса Вильсона”, который постоянно акцентируется в современной научной литературе и публицистике. Например, в книге французского историка Патрика Вейла “Безумец в Белом доме: Зигмунд Фрейд, посол Буллит и утраченная психобиография Вудро Вильсона” (опубликованной почти одновременно с работой Кьюда) данный парадокс ярко формулируется в контексте анализа Парижской конференции и Версальского мирного договора: “Итак, было много вины, которую можно было бы распространить вокруг. Однако для большинства участников мирной конференции, включая большинство присутствовавших американцев, не было никаких сомнений в том, что Вильсон несет главную ответственность за провал ратификации договора и его последствий для мира. Таков был и вердикт ученых. В своей книге ‘Вудро Вильсон и великое предательство’ (1945)

историк Томас А. Бейли резюмировал поступки Вильсона как ‘величайший парадокс’: ‘Именно тот, кто заставил союзников вписать Лигу [Наций] в Договор, начисто ее обнулил. Тот, кто сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы заключить договор, отменил его – по крайней мере, в том, что касается Америки. И своими действиями он внес огромный вклад в окончательный крах Лиги, а вместе с ней и больших надежд, возлагавшихся им самим и человечеством на эту организацию, способную предотвратить Вторую мировую войну’. Причина фатального упрямства Вильсона осенью 1919 г. навсегда останется предметом для интерпретации... Ученые настаивали на ответственности Вильсона за трагедию, которая разворачивалась в реальном времени. Он создал иллюзию справедливого и вечного мира, а затем взрастил разочарование, не сумев его реализовать. Когда в договор, по которому он вел дебаты, была включена система коллективной безопасности, он оказался ответственным за его нератификацию. Он вооружил народы побежденных государств гневом еще до разоружения своих союзников’ [Weil 2023: 295-296] (ср. [Freud, Bullitt 1967: 169-171, 287-288; Tardieu 1921: 225-257]; см. также [Bailey 1945]).

В книге Д. Кьюда можно обнаружить немало рассуждений, свидетельствующих о стремлении или “смазать” обозначенный выше парадокс, или же просто его не замечать (см., например, [Cude 2024: 95, 106] и др.). Американский историк, как, впрочем, и многие его коллеги, явно не стремится к поиску социально-философских оснований вильсоновской концепции либерального интернационализма. Вместе с тем следует отметить, что одна из наиболее оригинальных версий интерпретации этих оснований, тесно связанных с обрисованным Томасом Бейли “вильсоновским парадоксом”, была сравнительно недавно предложена именно американским историком Барри Ханкинзом в книге “Вудро Вильсон: правящий старейшина, духовный президент”. По мнению Ханкинза, “Вильсон предложил ‘срединную основу’ между социальным дарвинизмом и социализмом. Этот средний путь должен был свести ‘антагонизм между саморазвитием и социальным развитием к минимуму’. Целью как общества, так и правительства является создание и защита пространства для ‘максимально свободной игры индивидуальных сил’. Это был путь цивилизации, и он требовал постоянной адаптации регулирования для удовлетворения потребностей в данном месте и времени” [Hankins 2016: 50].

Книга Ханкинза отсутствует в библиографии рецензируемой работы. Однако некоторые “отголоски”, свидетельствующие о влиянии концепции “среднего пути”, можно обнаружить в следующих заключительных пассажах работы М. Кьюда, также пронизанных изрядной долей скептицизма: “Лишь несколько ученых попытались разделить взгляд на Вильсона как на идеалиста и как на сторонника политики с позиции силы. Томпсон утверждает, что в действительности ученые не могут критиковать лишь одно, скверно упакованное, ‘вильсонианство’. Оно представляло собой пестрый ассортимент различных видов политики, в которых воплощались ответы Вильсона на различные проблемы. И эти политики вполне независимо можно оценивать как хорошие или плохие. Э. Перлмуттер утверждает, что Вильсон был одним из первых ‘макиавеллистских’ президентов Америки. Он был идеалистом, но также использовал силу и силовую политику. Вильсон потерпел неудачу, потому что он не смог полностью сломать традицию невмешательства США в иностранные дела, что было необходимо для формирования нового направления. Осуществленная Кеннеди всеобъемлющая интерпретация Вильсона представляла собой аномалию, суть

которой состояла в том, чтобы проводить силовую политику, делая вид, что это не так. Франк Нинкович приводит похожий довод, предполагая, что наследие Вильсона в наименьшей степени является идеалистическим и, скорее, основано на противодействии другим современным идеологиям. Для Вильсона Первая мировая война была борьбой против прусского милитаризма. Похожее умонастроение сформировало американский менталитет, направленный против нацизма и коммунизма... Главный вызов заключается в определении того, какая часть Вильсона отражает подлинный вильсонизм. Должны ли мы сосредоточиться на риторике Вильсона и на излагаемых им идеалах? Или же на его действиях? Мы можем заняться риторикой Вильсона о нейтралитете, общей вине и мире без победы и получить одного Вильсона. Или же, изучив вопрос о его соучастии в британской морской блокаде и его приверженности идее победы над Германией и наказания последней, мы придем к другим выводам. Как мы должны оценивать неоднозначные факты, связанные с реализацией Вильсоном его ‘четырнадцати пунктов’? Вильсон вместе с другими лидерами реализовал в Версале программу, которая поддерживала колониализм, несмотря на собственную риторику накануне конференции. Означает ли такой результат, что Вильсон и в самом деле не поддерживал деколонизацию, или же он склонялся к компромиссу, необходимому для постепенных шагов в этом направлении?.. Учитывая эти несоответствия, возможно, нам следует отделять Вильсона от вильсонизма. Либеральный интернационализм существовал до Вильсона и продолжается после него. Хотя Вильсон стал главным сторонником этих идей, возможно, ему не обязательно быть совершенным идеалом, в честь которого названа эта философская традиция. Как же иначе нам следует думать о Вильсоне? Мы, безусловно, продолжим дебаты” [Cude 2024: 111].

На наш взгляд, сам факт признания Кьюдом необходимости дальнейшего спора позволяет сделать предположение о том, что он до некоторой степени разделяет позицию “умеренного консерватизма”, которая в последние годы становится одним из ведущих трендов в североамериканской политической мысли и историографии. Кардинальный поворот в этом плане происходит прямо на наших глазах. Почти сразу после победы Дональда Трампа на президентских выборах 2024 г. в солидных научных журналах стали появляться статьи, в которых приписываемая Вудро Вильсону концепция либерального интернационализма стала подвергаться радикальному пересмотру с откровенно консервативных позиций. Политическое кредо нового направления было весьма четко сформулировано в программной статье Эндрю Готорпа (Лейденский университет) “Цивилизационное вильсонианство от Вудро Вильсона до Дональда Трампа”, опубликованной в оксфордском академическом журнале *International Affairs* [Gawthrop 2025]. В ней было изложено “альтернативное понимание традиции Вильсона”, в основе которого лежит следующий тезис: смысл понятия “цивилизационное вильсонианство” состоит в том, что “на самом деле между Вильсоном и Трампом было гораздо больше преемственности, чем это изначально кажется” [ibid.: 177]. Из данного тезиса Э. Готорп делает вывод о том, что переосмысление вильсонианства увеличивает ценность, которую “эта концепция может привнести в понимание американской внешней политики в наше время и в будущем”, привлекая внимание специалистов к рассмотрению не только ее либеральных аспектов, но также “нелиберальных черт и преемственности, наряду с либеральными” [ibidem].

Основной пафос статьи Готорпа состоит в том, чтобы опровергнуть ложные гипотезы и “многие ошибочные нарративы внешней политики США в XX-XXI вв.”, связанные с интерпретацией вильсоновского либерального интернационализма, которые господствовали на протяжении многих десятилетий в исторической и политической науках. По его мнению, вместо того, чтобы изображать Вильсона как “образцового сторонника либерального интернационализма”, его “следует рассматривать как парадигматического практика внешней политики, основанной на осознанной необходимости защищать западную цивилизацию в мире взаимосвязанных внутренних и внешних угроз. Различные компоненты цивилизационного вильсонианства – расовые концепции иерархии, ограниченная забота о свободе и вера в то, что для поддержания цивилизации необходимы постоянные действия как дома, так и за рубежом – сохраняли свое влияние на протяжении всей истории США. Их становление как целостного мировоззрения, которое в значительной степени определяет курс внешней политики США, зависело от осознания политиками тесной взаимосвязи между страхами перед цивилизационным вырождением внутри страны и кризисом за рубежом. Все признаки указывают на то, что цивилизационное вильсонианство продолжит формировать внешнюю политику США в ближайшие годы” [ibid.: 177-178].

Но особенно возвышенными выглядят заключительные пассажи статьи, в которых философско-историческая компаративистика в духе А. Тойнби тесно переплется с чисто практическими рекомендациями относительно актуализации потенциала “цивилизационного вильсонианства” в США и Европе: “Понимание роли цивилизационного вильсонианства в истории международных отношений США приводит нас к выводам, выходящим за рамки их внешней политики. В последние годы концепция ‘цивилизационного государства’ часто применялась к незападным державам, таким как Китай, Индия и Россия, чтобы противопоставить их нелиберальный, партикуляристский подход к международной политике воображаемому подходу либерального Запада. Представленные в статье доказательства свидетельствуют о необходимости разрушить эту бинарность и вместо этого проанализировать способы, с помощью которых цивилизационные идеи одновременно мобилизуются и действуют как причинно-следственная переменная во внешней политике всех государств, включая западные. Относительная открытость западных стран транснациональным потокам торговли, миграции и коммуникации может усилить субъективно воспринимаемую уязвимость их цивилизации и спровоцировать ответные реакции, выраженные в цивилизационных терминах. И это не новость, даже несмотря на то, что снижение относительной мощи Запада, похоже, придает защите цивилизации новую актуальность. ‘Цивилизаторские миссии’ все еще существуют в Соединенных Штатах и в Европе и направлены как на дисциплинирование меньшинств и вызывающих подозрения дегенератов у себя на родине, так и на обеспечение и защиту позиций цивилизации в мировом пространстве за рубежом” [ibid.: 193-194].

Специфическая терминология статьи Э. Готорпа и сам характер его аргументации действительно могут рассматриваться как своеобразный “момент истины”, открывающий новые возможности творческого культурного и философского диалога. Однако остается открытым вопрос, какой именно тип идеологии будет заложен в его основу? Превратить Вудро Вильсона в откро-

венного консерватора – попытка явно утопическая, даже учитывая его явные симпатии к политической философии Э. Берка. На неудачу также обречено стремление Готорпа переосмыслить идеи Вильсона на основе противопоставления вильсонизма и либерального интернационализма. Это невозможно сделать по той простой причине, что именно последний является основой как знаменитых “Четырнадцати пунктов” американского президента, так и его программы послевоенного мирового переустройства.

В свою очередь, либеральная составляющая “цивилизационного вильсонианства” слишком очевидна, что делает почти безнадежной идентификацию “трампизма” с данным концептом. Остается весьма слабая возможность разработки теории “среднего пути” между либерализмом и консерватизмом, поскольку Дональд Трамп явно не претендует на роль Рональда Рейгана и в его команде отсутствуют консервативные теоретики уровня Ирвинга Кристола и Майкла Новака. Поэтому “теоретические авансы”, выдаваемые Трампу его реальными и потенциальными сторонниками, выглядят достаточно хрупкими. На данный момент его многовекторная реальная политика (Ближний Восток, “тайваньский вопрос”, постоянно возникающие проблемы и препятствия, связанные с урегулированием украинского конфликта и др.) вполне могут спровоцировать такие трансформации, которые в дальнейшем, по аналогии с политикой В. Вильсона, будут в лучшем случае квалифицироваться как “негативный вильсонизм” в соответствии с уже обозначенной выше схемой Дж. Хофф. Или даже с четвертым пунктом “матрицы” Г.Д. Айкенберри, фиксирующей возможность возникновения ситуации, когда станет предельно трудно различать “законное вмешательство и либеральный империализм”.

Если рассматривать новую концепцию в рамках традиционных категорий сегодняшнего идеологического дискурса, то “цивилизационное вильсонианство” может быть вполне органично совместимо с одной из наиболее популярных философских версий либерального консерватизма, разработанной Майклом Оукшоттом в послевоенный период. “В своей политической деятельности, – писал он, – люди плавают в безграничном и бездонном море; там нет ни гавани, чтобы укрыться, ни дна, чтобы зацепиться якорем, ни пристани для того, чтобы отплыть, ни места предназначения. Задача заключается в том, чтобы держаться на плаву, выравнивая киль. Море является и другом, и врагом, а искусство мореплавания состоит в использовании ресурсов традиционного способа поведения для того, чтобы любой враждебный случай превратить в дружеский” [Oakeshott 1962: 127] (см. также [Corey 2014: 267–268, 277]).

На наш взгляд, афористичное замечание английского философа является вполне аутентичной преамбулой к принципиально новому синтетическому направлению аналитики наследия Вудро Вильсона, элементы которого намечаются как в заключительном разделе работы М. Кьюда, так и в обозначенных выше сюжетах современной теоретической дискуссии. Вместе с тем, судя по характеру споров, развернувшихся в журналах и газетах относительно “консервативного поворота” и степени влияния вильсонизма на внешнюю и внутреннюю политику администрации Д. Трампа², в настоящее время трудно судить сколь долго они будут продолжаться: останутся ли они творческими и динамичными, сойдут ли

² См., например, Thulin L., Jason P. How World War I helps explain what gave rise to Trump’s second term. *UC Berkeley News*, 13.11.2024. <https://news.berkeley.edu/2024/11/13/how-world-war-i-helps-explain-what-gave-rise-trumps-second-term>; Stirewalt Ch. Donald Trump, Woodrow Wilson, and the problems of a free press. *The Dispatch*, 28.02.2025. <https://www.yahoo.com/news/donald-trump-woodrow-wilson-problems-074300924.html> (accessed 24.07.2025).

на нет или застынут на одном из пунктов. Или же (что еще хуже) они “пойдут по кругу” по аналогии с приснопамятным немецким “разворотом на 360 градусов”.

DOI: [10.17976/jpps/2025.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2025.05.11)

LIBERAL INTERNATIONALISM IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY THEORETICAL DEBATES

V.A. Gutov¹, Ya.V. Samarin¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

GUTOV, Vladimir Alexandrovich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Political Science, Saint Petersburg State University, email: gut-50@mail.ru; **SAMARIN, Yaroslav Vladimirovich**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Lecturer, Department of Political Science, Saint Petersburg State University, email: johnny_walker@mail.ru

Gutorov, V.A., & Samarin, Ya.V. (2025). Liberal internationalism in the context of the contemporary theoretical debates. *Polis. Political Studies*, 5, 167-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.05.11>

Received: 04.04.2025. Accepted: 20.06.2025

Abstract. In modern political science, the study of the ideological legacy of Woodrow Wilson, the 28th President of the United States (1913–1921), still retains the status of a completely independent analytical segment. The book by Michael R. Cude, the American historian “Woodrow Wilson: The First World War and Modern Internationalism” published by Routledge in 2024, is of undoubtedly interest to specialists in a wide variety of fields of humanities. The author has set himself the broad task of analyzing not only the diverse historical problems of Wilson’s foreign policy during the First World War, but also of examining a number of theoretical issues related to the formation of a new post-war international system, as well as problems of global governance, nationalism, decolonization, etc. The contemporary scientific literature presents very contrasting, often diametrically opposed theoretical approaches and ethical judgments regarding Wilsonianism as a historical and political phenomenon. Today, it is impossible to ignore the obvious contradictions associated with the specifically personal aspects of the active influence of Wilson’s ideas on US policy in the 20th – early 21st centuries. Their historical and theoretical analysis gives rise to new ideological collisions, constantly provoking tense and complex theoretical discussions. The starting point of these discussions is determined by the analysis of the historical process as a result of which, in Woodrow Wilson’s “conceptual politics” “liberal democratic internationalism becomes synonymous with Wilsonianism” (Tony Smith). The essence of these problems was summarized by Guilford D. Ikenberry in the form of “five points”, which currently constitute a kind of “matrix” by which one can compare the variable interpretations of Wilsonianism in general and liberal internationalism in particular. Without ignoring the above-mentioned points in their essence, M. Cude adopts a completely unique position. One of the most important points of the characteristics of the evolution of Wilson’s worldview presented in his book is the substantiation of the thesis according to which liberal internationalism cannot *initially* be considered as the “basic element” of the American president’s policy. A radical turn in the theoretical discussion emerged after Donald Trump’s victory in the 2024 presidential election. The nature of the arguments of the proponents of the new concepts of “civilizational Wilsonianism” and “alternative understanding of the Wilsonian tradition” is that “in fact, there was much more continuity between Wilson and Trump than it initially seems” (A. Gawthorpe).

Keywords: Woodrow Wilson, World War I, Wilsonianism, political idealism, liberal internationalism, democracy, world politics, historical discourses, political theory.

References

- Axtell, J. (2006). *The making of Princeton university: from Woodrow Wilson to the present*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Bailey, T.A. (1945). *Woodrow Wilson and the great betrayal*. New York: Macmillan.
- Benbow, M.E. (2022). *Woodrow Wilson’s wars: the making of America’s first modern commander-in-chief*. Annapolis: Naval Institute Press.
- Christov, Th. (2024). Liberalism and international political thought. In D. Ivison (Ed.), *Research Handbook on Liberalism* (pp. 79–96). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Cooper, J.M. (2001). *Breaking the heart of the world: Woodrow Wilson and the fight for the League of Nations*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Cooper, J.M. (Ed.). (2008). Reconsidering Woodrow Wilson: progressivism, internationalism, war, and peace. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Corey, D. (2014). Oakeshott's concept of ideology. *Journal of Political Ideologies*, 19(3), 261-282. <https://doi.org/10.1080/13569317.2014.951145>
- Cox, Ch. (2024). Woodrow Wilson: the light withdrawn. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi: Simon & Schuster.
- Cude, M.R. (2016). Wilsonian national self-determination and the Slovak question during the founding of Czechoslovakia, 1918-1921. *Diplomatic History*, 40(1), 155-180.
- Cude, M.R. (2022). The Slovak question: a transatlantic perspective, 1914-1948. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Cude, M.R. (2024). Woodrow Wilson: the First world war and modern internationalism. London; New York: Routledge.
- Flanagan, J. (2009). The crisis of American foreign policy: wilsonianism in the twenty-first century by G. John Ikenberry, Thomas J. Knock, Anne Marie Slaughter, Tony Smith. *Australasian Journal of American Studies (AJAS)*, 28(2), 95-97.
- Freud, S., & Bullitt W.Ch. (1967). Thomas Woodrow Wilson, twenty-eighth President of the United States: a psychological study. Boston: Houghton Mifflin Co.; Cambridge: The Riverside Press.
- Gawthorpe, A. (2025). Civilizational wilsonianism from Woodrow Wilson to Donald Trump. *International Affairs*, 101(1), 177-194. <https://doi.org/10.1093/ia/iaec280>
- Hankins, B. (2016). Woodrow Wilson: ruling elder, spiritual president. New York: Oxford University Press.
- Hoff, J. (2008). A Faustian foreign policy from Woodrow Wilson to George W. Bush: dreams of perfectibility. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Ikenberry, G.J. (2009a). Introduction: Woodrow Wilson, the Bush Administration, and the Future of Liberal Internationalism. In: Smith, T., Slaughter A.-M., Knock Th.J., & Ikenberry, G.J. *The Crisis of American Foreign Policy: Wilsonianism in the Twenty-first Century*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. P. 1-24. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7tb68.3>
- Ikenberry, G.J. (2009b). Liberal internationalism 3.0: America and the dilemmas of liberal world order. *Perspective on Politics*, 7(1), 71-87. <https://doi.org/10.1017/S1537592709090112>
- Ikenberry, G.J. (2020). A World safe for democracy: liberal internationalism and the crises of global order. New Haven; London: Yale University Press.
- Kirschbaum, S.J. (2024). The Slovak question: a transatlantic perspective, 1914-1948. *Canadian Slavonic Papers*, 66(3-4), 606-607. <https://doi.org/10.1080/00085006.2024.2415808>
- Kumar, Kr. (2022). Empire and imperialism. In G. Delanty, & St.P. Turner (Eds.), *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory. Second edition* (pp. 315-325). London; New York: Routledge.
- Moyn, S. (2023). Liberalism against itself: cold war intellectuals and the making of our times. New Haven; London: Yale University Press.
- Niebuhr, R. (2008). The irony of American history. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Oakeshott, M. (1962). Rationalism in politics and other essays. London: Methuen.
- O'Toole, P. (2018). The moralist: Woodrow Wilson and the world he made. New York: Simon & Schuster.
- Smith, T. (1994a). Winning the peace: postwar thinking and the defeated confederacy. *World Policy Journal*, 11(2), 92-102.
- Smith, T. (1994b). America's mission: the United States and the worldwide struggle for democracy in the twentieth century. Princeton: Princeton University Press.
- Smith, T. (1995). Wilsonian world. *World Policy Journal*, 12(2), 62-66.
- Smith, T. (2000). Morality and the use of force in a unipolar world: the "Wilsonian moment"? *Ethics & International Affairs*, 14(1), 11-22. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2000.tb00050.x>
- Smith, T. (2017). Why Wilson matters: the origin of American liberal internationalism and its crisis today. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Tardieu, A. (1921). La Paix. Paris: Payot & Cie. <https://www.loc.gov/item/22013160/>
- Thorsen, N.A. (1988). The political thought of Woodrow Wilson, 1875-1910. Princeton: Princeton University Press.
- Throntveit, T. (2017). Power without victory: Woodrow Wilson and the American internationalist experiment. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Weil, P. (2023). The madman in the White House: Sigmund Freud, Ambassador Bullitt, and the lost psychobiography of Woodrow Wilson. Cambridge; London: Harvard University Press.
- Winter, J. (2006). Dreams of peace and freedom: utopian moments in the twentieth century. New Haven; London: Yale University Press.
- Wolff, L. (2020). Woodrow Wilson and the reimaging of Eastern Europe. Stanford; Palo Alto: Stanford University Press.